

УДК 355.356 + 355.4

США – ВЕЛИКОБРИТАНИЯ: В РУСЛЕ «ОСОБЫХ ОТНОШЕНИЙ»

© 2012 г. **С.Л. Печуров***
НИО Министерства обороны РФ, Москва

*Автор продолжает исследование темы взаимоотношений США и Великобритании, начатой в его публикациях 2011 г.** Настоящим открывается цикл статей о развитии их «особых отношений» после Второй мировой войны до настоящего времени. В них излагаются концептуальная база формирования и особенности становления этих отношений как отличных от взаимодействия обоих государств с другими субъектами международных отношений, подчёркиваются нюансы разработки политических курсов Вашингтона и Лондона через призму «особых отношений», связывающих две крупнейшие англосаксонские державы.*

Ключевые слова: «особые отношения», концептуальная база, национализм, культура, «левизна», «антиамериканизм», снобизм бриттов, национальная идентичность.

С середины XX века термин «особые отношения» прочно закрепился за описанием взаимодействия на международной арене двух крупнейших англосаксонских государств – США и Великобритании.

Отталкиваясь от лингвистических, культурных и исторических связей этих стран, следует напомнить, что «особость» в отношениях Вашингтона и Лондона формально уходит корнями в период их широкого сотрудничества в годы Второй мировой войны. После Конференции, состоявшейся в Вашингтоне с 22 декабря 1941 г. по 14 января 1942 г. с участием руководителей США и Великобритании, британский премьер Уинстон Черчилль заметил королю Георгу VI, что «Британия и Америка теперь женаты после многих месяцев ухаживаний» [8, р. 4].

С окончанием же Второй мировой войны и вплоть до рубежа 80–90-х годов прошлого века в основу «особых отношений» Вашингтона и Лондона были положены многие составляющие и прежде всего фундаментальное, по сути абсолютно идентичное восприятие «советской коммунистической угрозы», но также и более субъективные – общность культурных ценностей, узаконенный обмен информацией по самому широкому кругу вопросов, комплексное и тесное взаимодействие в военной и дипломатической областях, а также, не в по-

* ПЕЧУРОВ Сергей Леонидович – генерал-майор, доктор военных наук, профессор, действительный член АВН, член Научного совета при СБ РФ. E-mail: USA-Canada@mail.ru

** См.: Печуров С.Л. США – Великобритания: от войны к союзу // США ✧ Канада: экономика, политика, культура. 2011. № 6. С. 49–65 и № 8. С. 63–74.

следнюю очередь, личные связи руководителей. Вслед за завершением «холодной войны» многие аналитики по обе стороны Атлантики стали выдвигать аргументы относительно того, что, мол, теперь в принципе отпала необходимость такого рода отношений, связывавших два ведущих англосаксонских государства. Однако реалии эволюции международной обстановки на рубеже XX–XXI веков, порождённые новыми непредвиденными вызовами, вроде международного терроризма или беспрецедентных, в глобальном масштабе финансово-экономических потрясений, с неизбежностью ставили руководство обеих стран перед необходимостью сохранения, если не углубления, межстранового взаимодействия для парирования этих вызовов.

Концептуализация идеи

Безусловно, инициатива в поднятии уровня межстранового взаимодействия США и Великобритании до беспрецедентных высот принадлежит британцам. Оказавшись с началом Второй мировой войны фактически один на один с мощнейшим геополитическим противником – нацистской Германией, Лондон без колебаний устремил взоры через океан, в сторону «расово близкого» и сравнимого по потенциальной мощи с германцами «естественного союзника». В июле 1940 г. британский министр иностранных дел лорд Галифакс, основываясь на аналитических выкладках тогдашних «мозговых центров» англосаксов, подкреплённых превалирующими в тот период настроениями общественности обеих стран, публично заявил о «возможности некоторого рода особой ассоциации» между США и Великобританией.

Концептуально-теоретическая база под эту «ассоциацию» была подведена уже после окончания войны и впервые озвучена в знаменитой речи о «железном занавесе» У. Черчилля, произнесённой 5 марта 1946 г. в Фултоне, штат Миссури. Британский к тому времени уже экс-премьер выступил авторитетным адвокатом «братского союза англоговорящих народов» и «особых отношений» между Британской империей и США*.

В соответствии с основными положениями этой речи, получившими дальнейшее развитие уже как неформальная концепция, отношения в формате США – Великобритания представлялись в виде одного из трёх концентрических кругов, два других – по отдельности – символизировали отношения Британии с Содружеством (британскими колониями и доминионами) и Европой (Западной) в целом. В центре располагалась Великобритания как свободная, не интегрированная ни в один из кругов, но являющаяся опорой всего сооружения, держава [19, р. 994]. Идея о «трёх кругах», которая была определяющей во внешней политике Лондона с конца 1940-х годов, объясняла тот факт, что для уверенной в своей, как позже оказалось, мнимой, мощи Великобритании нет нужды в выборе между кругами. Однако считалось, что внешний круг, подразумевавший отношения Лондона с Вашингтоном, наглядно демонстрировал приоритет британской внешней политики*.

* По мнению некоторых политологов, уж если быть более точным, то конструкция должна была бы состоять из четырёх кругов, в центре которых помещается Англия как главная «британобразующая провинция» [8, р. 12].

У. Черчилль, конечно, осознавал, что грядёт сокращение британского внешнеполитического влияния, но он всё же питал иллюзию относительно сохранения за Лондоном роли оси, приводящей в движение всю конструкцию. Последующее развитие событий, однако, продемонстрировало, что в центр данной конструкции, окрашенной в антикоммунистические тона, выдвинулись США, оттеснив британцев на второй план. Тем не менее данная концептуализированная идея прочно вошла в содержание отношений двух государств, по крайней мере на полтора-два десятилетия вперёд.

«Отношения» как политика и как сотрудничество. Директор Центра дипломатических и международных исследований Университета Лестера Джон Дамбрелл в своей книге подчёркивал, что необходимо различать «особые отношения» как политический курс, т.е. программу или совокупность средств и методов для реализации национальных интересов, и «особые отношения» как конкретное сотрудничество на международной арене [8, p. 12].

Британский историк Дэвид Рейнолдс указывает, что акцент на «особость» в отношениях с Вашингтоном был сделан в разработанной Лондоном дипломатической стратегии действий ещё на рубеже XIX–XX веков, подразумевавшей уже тогда использование растущей американской мощи в британских интересах и продолжавшей претворяться в жизнь в последующем. Естественно, что Лондону такое положение вещей было выгоднее, нежели Вашингтону. Именно Черчилль пожелал заманить Рузвельта в «британский гарем», а не наоборот. Разумеется также, что «особая» близость Великобритании к США не могла вызывать удовлетворение у других американских союзников. Подозрительность Парижа относительно англосаксонской солидарности являет собой долгосрочный императив французской дипломатии. Постоянный представитель Мексики в ООН Адольфо Синсер в 2003 г. на одной из национальных встреч заявил*, что в сравнении с «особыми» обязательствами по отношению к Лондону американцы рассматривают связи с Мехико в качестве «случайного развлечения в уикенд» [9, p. 91].

Если обратить взор на историю тесного сотрудничества США с другими субъектами международных отношений, то вырисовывается довольно пёстрая картина двусторонних отношений. Так, со времени Американской революции (т.е. после провозглашения независимости США) Вашингтон «вынашивал, культивировал и пестовал особые отношения с такими совершенно неравнозначными государствами, как Канада, Панама, Франция, Россия, Южная Корея и Южный Вьетнам, оба Китая, Гватемала, Никарагуа и Сальвадор» [21, p. 273–274]. Даже ограничивая период тесного взаимодействия США с другими странами последними 50-ю годами, казалось бы, есть все основания выделить несколько явных конкурентов Британии. Так, на первый план сразу выдвигается Израиль, отношения с которым неоднократно официально характеризовались многими американскими лидерами как «особые». И именно в те же периоды отношения с Лондоном порой опускались до уровня «напряжённости», правда, никогда не пересекая опасной черты военного противостояния. При всём при этом, подчёркивает достаточно авторитетный специалист в области

* Правда, через неделю он подал в отставку. – *Ред.*

теории международных отношений профессор Колумбийского университета Роберт Джарвис, «только один союзник может иметь особые отношения с гегемоном, и если уж Британия добровольно взвалила на себя такую ношу, сдвинуть её оттуда было почти невозможно» [8, р. 271].

Дин Раск, в прошлом занимавший посты госсекретаря в администрациях Кеннеди и Джонсона, характеризуя «близость» Вашингтона и Лондона в долгие годы «холодной войны», описывал их как «сделку совместного бизнеса». Для многих политиков по обе стороны океана «особые отношения» представлялись почти естественными, других якобы и не могло быть. Британский премьер в 1976–1979 гг. Джеймс Каллагэн утверждал, что именно «англо-американские отношения формируют будущее» [8, р. 13]. Генри Киссинджер, помощник президента Никсона по вопросам национальной безопасности и государственный секретарь в 1973–1977 гг., констатировал, что «особые отношения» подразумевали такую степень близости, что... становилось психологически невозможным игнорировать британскую точку зрения» [13, р. 90].

С другой стороны, в зависимости от политической конъюнктуры, а зачастую и от характера личных отношений лидеров обоих государств «особость» в отношениях Лондона и Вашингтона время от времени подвергалась эрозии, по крайней мере на словах. Так, например, британский премьер консерватор Эдвард Хит, «недолюбливавший» американского президента Никсона, в 70-е годы прошлого века выступал против термина «особые отношения», отдавая предпочтение определению «естественные» (отношения). Он аргументировал это тем, что «естественность» в отношениях, базирующаяся на общей истории, не может быть по субъективным причинам аннулирована, тогда как «особые отношения» подвержены риску ликвидации в любой момент по прихоти одной из сторон. Однако такая точка зрения не закрепилась ни в лексиконе, ни в сознании британского и американского истеблишмента. Более того, в период теснейшего взаимодействия на международной арене, в «эру Рейгана – Тэтчер», премьер Великобритании даже как-то заявила о том, что американо-британские отношения не только «естественны» или «особы», но они «беспрецеденты» и «весьма особы».

Прагматизм – основа всего? Вместе с тем следует подчеркнуть, что такого уровня отношения между США и Великобританией, как между двумя суверенными государствами, не могли бы получить определение «особых», если бы в их основу не были положены общность национальных интересов и вытекающая отсюда общность национальных целей. Британский учёный-международник с болгарскими корнями Алекс Данчев указывает, что «особыми отношениями» прикрывалась антисоветская политика обеих стран. При этом, по его мнению, доминирующим фактором в поддержании и развитии этих отношений всегда был жёсткий прагматизм и тех, и других. Прагматики от политики в Вашингтоне и Лондоне, продолжает А. Данчев, с лёгкостью игнорировали роль сентимента и общей культуры. Они склонны связывать свои действия с реалистическими интерпретациями международных отношений – позиция, в соответствии с которой консолидация и укрепление их мощи формируют цель национальной внешней политики [7, р. 739].

В то же время профессор Дж. Дамбрелл не склонен преувеличивать «фактор прагматизма». По его мнению, именно общность культуры и сантименты помогали «особым отношениям» держаться на соответствующем уровне и в годы после окончания «холодной войны». «Ценности, идеология и убеждения, – писал британский учёный, – есть компоненты культуры и являются как социально сконструированными, так и относительно постоянными» [8, р. 15]. Несмотря на то, что Британия объективно не приемлет многие ключевые элементы в сформировавшейся американской национальной культуре, практически все специалисты-международники признают решающими в области близости обеих стран такие факторы, как общность языка, общие исторические корни и «англо»-ориентированные традиции американской элиты. В этом плане весьма примечательно утверждение британского политолога Джона Редвуда о том, что «Америка сохранила в себе Британию XVIII столетия в большей степени, нежели сама Британия!» [17, р. 68]. И как бы продолжая мысль британца, уже американский учёный Н. Уэбстер подчёркивал, что «широко известные ныне как американские вульгарные лингвистические неологизмы на самом деле являются выдержанными и аутентичными примерами истинно английской речи XVIII столетия!» [14, р. 84].

В целом, британское одобрение американской предприимчивости и демократических ценностей балансируется американским уважением к британским традициям. У. Черчилль в своё время сказал: «Американцы и англичане могут быстро договориться по трём из четырёх проблем. Они смотрят на вещи одинаково» [12]. Показателен и приводимый Дамбреллом в одном из исследований отрывок из «Указаний военного министерства США» от 1942 г. для американских военнослужащих, взаимодействовавших в тот период со своими британскими коллегами. Так, «янки» предписывалось «соблюдать порядок и демонстрировать вежливость» при посещении скоплений местных (британских) жителей, например на футбольных матчах. Американцы ставились в известность о том, что «британские бобби (полицейские) никогда не спешат и всегда найдут время для общения». Военнослужащим США напоминали, что «наш общий язык, общепринятый порядок и наши идеалы религиозной свободы привнесены из Британии, когда пилигримы высадились в Плимуте». «Учитите, – подчёркивалось в указаниях, – вам платят больше, чем «томми» (британским военнослужащим). Не теребите рану! ... Мало того, что невежливо критиковать хозяев, так просто глупо с военной точки зрения осуждать своих союзников!» [8, р. 20].

Субъективизм самооценки. Вместе с тем, «особые отношения» Вашингтона и Лондона порой вводили в заблуждение тех высокопоставленных британцев, которые формировали внешнюю политику страны. Такой характер двусторонних отношений подчёркивал помпезность британцев и лишал их адекватного восприятия реальностей, в том числе правильной оценки состояния и перспектив продолжавшегося в период «холодной войны» процесса ослабления внешнеполитических позиций Лондона и, наоборот, беспрецедентного усиления влияния Вашингтона. Британская стратегия, заключавшаяся в обеспечении постоянства союзнических связей с США с одновременной подпиткой себя надеждой на то, что и американцы навсегда останутся пробритански настроенными, срабатывала, отнюдь, не всегда. Самоуверенность британцев, восприни-

мавших себя в качестве главных продолжателей и носителей ценностей Западной цивилизации, время от времени вызывала приступы глубокого раздражения не только у их «континентальных соседей», но и, что особенно повергало в недоумение Лондон, у «братьев по расе» за океаном.

Общеизвестна проведенная популярным в своё время британским политиком Гарольдом Макмилланом аналогия между отношениями «культурных» древних греков и «диковатых» древних же римлян с современной парой – британцами и американцами. Макмиллан поучал: «Мы, британцы, являемся греками в Американской империи...и воспринимаем американцев, как когда-то греки воспринимали римлян: очень большой, вульгарный и суетливый народ, более энергичный, чем мы, но также и более праздный, с более чистыми добродетелями, но также и более развращённый...» [16, р. 740]. В своём дневнике британский политик ещё в 40-е годы прошлого века выразил следующую мысль, отражавшую в принципе позицию британского истеблишмента, которая актуальна и сегодня: «Они [американцы], с одной стороны, хотели бы вернуться к изоляционизму, поощряемому подозрениями в имперских амбициях Британии. С другой стороны, они и не против... разрешить в течение нескольких месяцев те проблемы, которые формировались государственными мужами на протяжении многих веков, но используя при этом в большинстве своём инфантильные подходы и дилетантизм. Нам остаётся, принимая во внимание эти обе крайности, научиться управлять ими (американцами), причём как для их же собственного блага, так и для нашего благополучия, ради мира во всём мире!» [16, р. 446].

Аналогия с греками и римлянами и последующие «откровения» видного британского политического деятеля стали весьма популярны в заочном, а иногда и очном, диалогах между Лондоном и Вашингтоном. Последний, реально осознавая себя несравненно более могущественным во всех отношениях, питал естественную обиду на своего «союзника». Британия же, в конце концов приняв «условия игры» и признав «американскую гегемонию» как неотъемлемую часть общей системы международных отношений, продолжала и продолжает, по меткому замечанию Дамбрелла, «наслаждаться привилегированным местом в ней» [8, р. 17].

Американцы о британцах

На уровне взаимоотношений элит обоих государств существуют различные структуры и традиции, питающие трансатлантическую близость. Доктор Ричард Пеллз, профессор истории Техасского университета в Остине, подчёркивает, что фактически вся научная мысль Америки, применительно к изучению Британии отягощённая некоторыми субъективными представлениями американцев о британцах, в целом выражает одобрение различных британских институтов и практики [8, р. 20]. В этом якобы в известной мере, воплощается некоторый «комплекс неполноценности» жителей США в целом по отношению к «старшим по возрасту британским родственникам».

Порой американцы не без лукавства «наклеивают» на себя ярлык «колониальных», что, впрочем, несёт в себе глубокий смысл. Когда президент Рональд Рейган пожелал продемонстрировать свою абсолютную поддержку британско-

му премьеру и своей приятельнице Маргарет Тэтчер, он назвал свою страну – Соединённые Штаты – «колониями» [24, р. 435].

Напряжённость в прошлом. Но в первой половине прошлого века ни о каком «заигрывании» американцев с британцами речи не шло. Весьма популярное в США в межвоенный период «Радио священника», руководимое влиятельным священнослужителем Чарлзом Кафлином и в принципе отражавшее американское общественное мнение, постоянно клеймило «британских империалистов» и даже в 1930 г. осудило Лигу Наций как «орудие международных банкиров Британской империи». В те же годы враждебность по отношению к Великобритании была центральным аспектом популизма и подпирала британо-американское геополитическое соперничество. Характерно, что подобные настроения подпитывали американское общество снизу доверху: от обездоленных этнических меньшинств до элит Восточного побережья.

После относительно непродолжительного периода «заверений во взаимной любви», совпавшего с совместной борьбой с германским нацизмом, в общественном мнении США вновь стала поднимать голову британофобия. В 1946 г., когда было принято решение о предоставлении Лондону крупных займов, чёрный конгрессмен от Гарлема Адам Клейтон Пауэлл с негодованием подчеркнул, что США тем самым «выразили одобрение лицемерию, империализму, колониализму и нарушению обетов». Показателен в этом плане даже такой факт, что в чрезвычайно популярных в те годы мультфильмах Уолта Диснея отрицательные герои зачастую говорили с характерным британским акцентом.

Период относительного потепления. Однако постепенно, по мере углубления американо-британского военно-политического сотрудничества на фоне разгоравшейся «холодной войны», с одной стороны, и оттеснением Вашингтоном Лондона с первых позиций в «свободном мире» – с другой, британофобия в США начала сходить на нет. Как подметил видный американский экономист и политический деятель Джон К. Гэлбрейт, «британцы теперь настолько незначимы, что их можно и полюбить» [10, р. 294]. Для Дина Ачесона, госсекретаря США в 1949–1953 гг., Британия превратилась в страну, которая перестала быть империей, но так и не нашла своего места. По его мнению, она (Британия) слишком долго пыталась делать больше, чем позволяют её собственные возможности.

В этой связи у американцев порой вызывало негодование позиционирование британской нации себя как равной с американской. Так, Джон Болл, советник президентов Кеннеди и Джонсона, кстати, в своё время известный в США англофил, и тот с раздражением отмечал, что британские дипломаты представляли свою страну как «государство, значительно более высокого уровня, чем другие континентальные европейские державы». «Всегда подчёркивая факт равных союзнических связей в годы войны, – писал Болл, – они хотели бы иметь с США точно такие же отношения и в мирное время». Американского политика особенно выводила из себя привычка британцев рассматривать американский вариант английского как «причудливое искажение их собственного языка» [3, р. 209]. Да и в последующем, уже в 1980-е годы, несмотря на, казалось бы, явные свидетельства «ухода Лондона на второй план», британцы позволяли себе «гнуть свою линию». Тема «надменности» британцев

чётко прозвучала в оценке, данной госсекретарем в администрации Рейгана Джорджем Шульцем, реакции Великобритании на позицию США в ООН по Фолклендскому кризису. По словам Шульца, британский посол в Вашингтоне Оливер Райт «отчитал меня так, как это делают сержанты в полевом лагере морской пехоты!» [22, р. 152].

И всё же многие сходства в устройстве обществ и, соответственно, в развитии этих стран заставляли американцев постоянно искать ориентиры у своих «старших родственников».

Показательно, что, когда начались дебаты вокруг вопроса об относительном увядании американской внешней политики в результате поражения во Вьетнаме, американцы обратили свои взоры на Великобританию, которая, как им казалось, уже прошла этот путь. Им подыграл известный британский историк, уже несколько десятилетий работающий в Йельском университете в США, Пол Кеннеди, опубликовавший свой знаменитый и популярный по обе стороны Атлантики труд «Расцвет и упадок великих держав», в котором попытался, в том числе, свести воедино опыт Великобритании и США как государств, на определённом этапе в своём развитии достигших пика и начавших естественный «спуск с вершин».

К началу 1960-х годов американская популистская британофобия в основном исчезла. Причиной этому во многом, как полагает Дж. Дамбрелл, послужила память о годах совместной жёсткой борьбы с германским нацизмом и японским милитаризмом. Свой вклад в изживание былых представлений о британцах как «в подавляющей своей массе имперцах» внесло и относительно длительное пребывание значительного количества «янки» на территории Великобритании в годы войны и их повседневные, в целом позитивные неформальные контакты с местным населением.

Характерным для начала 1960-х годов стало и исчезновение как у левых, так и у правых американских политиков антибританской риторики. Хотя и те, и другие продолжали по случаю подвергать критике «элитарные социальные ритуалы» и почти не спадавшую социальную напряжённость в Великобритании.

Фактор национальной идентичности. На американское восприятие Британии всегда оказывала влияние проблема «британской», «английской» или «англосаксонской» идентичности. Причём термин «британский/английский» в США трактовался весьма строго, в отличие от других государств, где количество выходцев с «Островов» также весьма значительно. Именно в бывших британских колониях – североамериканских штатах, изначально созданных пришельцами из Европы, и поныне существует чёткое разделение на «белые меньшинства», в том числе шотландцев, уэльсцев, ирландцев и даже отдельно североирландцев, историческая память которых отягощена преследованиями их предков по национальному и конфессиональному признакам со стороны «англичан-британцев». Да и влиятельная белая элита США состоит отнюдь не только из «англичан-британцев», но и из потомков их «соперников» на «Островах», которые порой вносят существенные коррективы во внешнеполитический курс Вашингтона по отношению к Лондону в зависимости от политической конъюнктуры в те или иные периоды времени.

Вместе с тем, англофильство политико-бизнесовой элиты США продолжает оставаться преобладающим фактором, тесно связывающим по крайней мере культуру, в расширительном смысле, обеих стран. Известно, что американский филантроп и миллиардер Пол Меллон жертвовал миллионы долларов университетам Кембриджа и Оксфорда, многим учебным и культурным учреждениям Англии, хотя и был потомком выходцев из Северной Ирландии.

Ситуация в настоящее время для Британии с точки зрения прочных культурных связей с США осложняется демографическим фактором. К 2000 г. уже только один из десяти американцев отождествлял себя с британцами. На негатив этого явления указывал в своё время авторитетный американский политолог Сэмюэл Хантингтон, пытавшийся обратить внимание руководства США на явные признаки «эрозии фундаментальной англо-протестантской культуры» в связи с нарастающим потоком иммигрантов из стран, расово далёких не только от англосаксонской, но и, что особенно тревожно, от европейской цивилизации [8, p. 26].

И всё же в целом отношение американской общественности к Великобритании остаётся позитивным. В 1976 г., по опросу Службы Гэллапа, 87% американцев имели «благоприятное» мнение о Британии. В 1989 г., в соответствии с аналогичным опросом, – 86%, причём уровень симпатий был выше только в Канаде. Эти показатели за последние годы в принципе мало изменились. Особый всплеск отмечался в начале 2000-х годов, как следствие позиции официального Лондона, занятой в отношении совместной борьбы с терроризмом, и продолжает оставаться на относительно высоком уровне.

Британцы об американцах

Упомянутый выше политолог Дж. Дамбрелл в одном из своих исследований, пытаясь подвести базу под отношение британцев к американцам, приводит ёмкую характеристику известного британского писателя Грэма Грина, данную «заокеанским родственникам»: нация с юношеским задором [20, p. 592]. Другой исследователь истории США, Денис Броган подчёркивает, что «американские лидеры зачастую действуют как дети в мире политики» [5, p. 21]. В своём известном труде «Изучение классической американской литературы» британский литератор Дэвид Лоренс наставлял своих соотечественников относительно «правильного» восприятия «американской культуры» как «культуры сопротивления». Он отмечал: «Где-то в глубине каждого американского сердца лежит сопротивление родительскому надзору со стороны Европы. И нет ни одного американца, который бы не чувствовал, что он полностью избавился от этого давления» [15, p. 4]. Британский журналист Кит Бэтсфорд сравнивает типичного американца, «имеющего мало терпения, чтобы сносить неудобства и несчастья», с чувством ребенка, «лишённого сладкого» [4]. Такова, в целом, подоплёка или базис, на котором зиждется отношение среднего британца к американцам.

Снобизм бриттов. На обывательском уровне британские подходы к США зачастую демонстрируют культурный снобизм, обычную зависть и показное негодование относительно американской мощи и влияния в мире. Порой британские журналисты, давая оценку поведению США на мировой арене, пишут об американцах как о существах с другой планеты. Ключевым элементом та-

ких комментариев обычно является сложившееся у британцев убеждение, что их «родственники из-за океана» напрочь лишены чувства юмора и просто не умеют оценить изысканную шутку. Не так давно был проведён опрос британских студентов относительно их впечатлений об американцах, результат которого поверг в шок жителей США. Так, среднестатистический студент с Альбиона склонен рассматривать американцев как религиозных экстремистов, фанатиков оружия, да и вообще как нетерпимых и несдержанных людей. По мнению молодых британцев, афроамериканцы – законченные «лузеры», американский Юг продолжает оставаться прибежищем расистов, а США в целом вот-вот превратятся в испаноговорящую нацию. Деньги здесь якобы определяют всё, а обе периодически сменяющиеся у кормила власти в Вашингтоне политические партии мало чем отличаются друг от друга и представляют собой тривиальные организации правого толка [8, р. 34].

Безусловно, данная крайность в оценках, по признанию тех же британских политологов и политических деятелей, определяющих общее настроение британского общества, не имеет решающего значения, но тем не менее не может не учитываться при строительстве фундамента двусторонних отношений.

Истоки и виды «антиамериканизма». Немалое количество исследователей взаимоотношений Великобритании и США склонны даже безапелляционно утверждать о «присущем жителям Альбиона открытому антиамериканизму». В то же время подчёркивается тот факт, что любые проявления антиамериканизма в Великобритании имеют довольно существенные ограничения по сравнению с тем же чувством, питаемым населением стран континентальной Европы. Показательно, однако, что и те и другие, как бы оправдываясь, вопрошают: а как ещё можно относиться к стране, которая только встала на путь превращения её в полноценную державу, сравнимую с европейской?

При этом, однако, в странах «на континенте» существует стойкое представление о Великобритании как о «культурном брокере», или посреднике, между США и Европой в целом. По мнению задающих в этом тон французских интеллектуалов, их «британские коллеги просто коррумпированы американскими деньгами и мощью» и «многие британские литераторы нашли не только обширный рынок для своих творений в США, но и получили первое признание именно там» [26, р. 37].

Джон Дамбрелл попытался систематизировать британский «негативизм» по отношению к США. С точки зрения британского учёного, его можно разделить на три вида: культурный, «левацкий» и националистический [8, р. 35].

Культурный, в широком смысле, антиамериканизм британцев принял более менее чёткое оформление в 1990-е годы в ходе развернувшейся дискуссии относительно «британской культурной идентификации» как реакции на осуществляемую высокими темпами революцию в сфере обслуживания для обеспечения «стандартизации и качества» предоставляемых услуг. Этот процесс был связан напрямую с проникновением американской так называемой массовой культуры во все сферы жизнедеятельности не только Великобритании, но и многих других стран мира. Для интеллектуальных кругов таких стран, как Франция, Германия, Италия, Испания, но также и Великобритании, оппозиция «американизации» была мотивирована желанием сохранить национальные по-

зиции в качестве некогда безусловных культурных и моральных лидеров Западной цивилизации.

При всём при этом следует подчеркнуть, что культурное влияние – это улица с двусторонним движением. В 60-е годы прошлого века знаменитая рок-группа «Битлз» вернула в США возрождённый бренд «американской» музыки. Лидер же этого музыкального коллектива Джон Леннон как-то заметил, что он стал «наполовину американцем», когда впервые услышал песни Элвиса Пресли. Многие британцы с энтузиазмом восприняли общедоступность и демократичность фастфуда. Вообще, в целом, в отношении США в Британии имеет место разделение общества: если молодёжь за прошедшие полвека оказалась поголовно вовлечена в американскую поп-культуру, которая предоставила ей плацдарм для артикулирования так называемого молодёжного протеста, то люди среднего возраста и старше, особенно имеющие высшее образование, более подвержены антиамериканизму в качестве реакции на унижительное для британцев восприятие американцами их страны как утратившей былое величие.

Второй вид «антиамериканизма», по Дамбреллу, базируется на «политической левизне» определённой части британского общества. «Левацкий» антиамериканизм фокусируется на восприятии внешней политики США как империалистической, на «коварном» влиянии американских спецслужб и роли Вашингтона как вдохновителя глобальной капитализации. Причём направленность «левых атак» на США меняется вместе с политической конъюнктурой. Так, в 1950-е годы Вашингтон обвинялся в том, что взвалил на Лондон непомерные военные расходы, в 1960-е – в том, что посылал солдат во Вьетнам, чтобы защищать интересы «кучки богатых американцев», в 1980-е – в том, что при Рейгане США, лишившись последних свобод, превратилась в главную угрозу миру во всем мире, в 1990-е годы и особенно в «эру Буша» – в том, что в своих корыстных интересах США глобализируют экономику и финансы. Левые, особенно ультралевые, в Британии своим карикатурным антиамериканизмом чаще дискредитируют себя, нежели оказывают существенное влияние на позиции официального Лондона по отношению к Вашингтону. Достаточно привести пример антиамериканской кампании в Британии в 1960-е годы, когда в её центр был внедрён лозунг об отказе от кока-колы как напитка, содержащего «капиталистическую жидкость».

Националистический антиамериканизм в британском обществе характерен скорее для его высших кругов и проистекает, по мнению Дж. Дамбрелла, из романтического восприятия британским истеблишментом своей страны как мощной имперской державы. Так, Джулиан Эмери, в первые послевоенные десятилетия возглавлявший антиамериканский блок в стане консерваторов, в одном из своих эмоциональных выступлений гневно осудил Вашингтон за его политику «подрыва имперских основ ведущих европейских держав»: «Лидеры Европы вполне солидарны в том, что СССР представляет главную угрозу их национальным и имперским интересам, но в то же время они вынуждены констатировать тот факт, что именно США наносят им самую болезненную рану» [25]. Антиамериканские настроения верхушки британского общества оставались весьма распространёнными и в последующие годы. Алан Кларк, министр обороны в консервативных правительствах М. Тэтчер и Дж. Мейджора,

сделал следующую запись в своем дневнике в период, когда решался вопрос о модернизации ядерного потенциала страны: «Я рассматриваю как в высшей степени неприемлемую возможность наложения Вашингтоном вето на развитие наших баллистических систем» [6, р. 394].

К приведенным выше подмеченным Дж. Дамбреллом разновидностям британского антиамериканизма иногда добавляют и четвёртый его вид, окрашенный в панъевропейские тона. В частности, довольно влиятельный член британского парламента лейборист Джилес Рейдис, выражая настроения определенной части общества, писал в 1992 г.: «За исключением языка, США всегда выглядят более чуждыми нам, чем континентальная Европа» [17, р. 121].

Весьма красноречивы в этом плане и данные аналитически обработанных опросов общественного мнения по обе стороны Атлантики, выявившие признаки некоторых прогрессирующих различий в менталитете населения Нового и Старого Света. Так, американцы в подавляющем большинстве с меньшей охотой принимают участие в общенациональных голосованиях, нежели европейцы, и британцы в частности, но с особым энтузиазмом «окунаются» в «местную политику». В то время как около половины американцев регулярно посещают церковь, только 14% британцев делают то же самое хотя бы раз, что даже больше, чем в таких известных религиозным рвением европейских странах, как Ирландия и Польша [8, р. 42]. Вскрыты существенные различия и по другим направлениям формирования национального характера, привычек, отношений к семейным ценностям и проч.

Личностный фактор. Нельзя не упомянуть и о таком факторе, в известной степени затрагивающем проблему отношений британцев к США, как субъективное восприятие жителями Альбиона правящей американской верхушки в тот или иной период времени и особенно избранного лидера нации – президента. Другими словами, речь идёт о личностном факторе. Как бы ни развивалось взаимодействие двух англосаксонских государств на определённом историческом отрезке времени, как правило, отношение обывателя к главе «родственного» государства переносится, со всеми негативными (но также и позитивными) последствиями, на всю нацию. К примеру, так было в недавний период нахождения у руля власти в Вашингтоне администрации Дж. Буша-мл., сумевшего, несмотря на взрыв положительных эмоций и небывалый всплеск симпатий к американскому народу как жертве международного терроризма в 2001 г., т.е. в первые годы его президентства, «переломить» ситуацию таким образом, что весь «позитивизм» в отношении британцев к США был быстро утрачен. В частности, склонность самого президента и его ближайшего окружения к изоляционизму или «государственному эгоизму», выражавшемуся в привычке действовать без оглядки на союзников и тем более партнёров, игнорирование мирового общественного мнения по многим глобальным вопросам вызвали сначала раздражение, а затем и открытое неприятие всего того, что предпринимал Вашингтон не только в странах, обычно или исторически оппонировавших США, но и в среди союзников, в том числе и в Великобритании. Причём рост негативизма отмечался как в растущей и набирающей политический вес британской мусульманской общине, так и в самых широких слоях «коренного» населения страны.

Сдвиг в сторону «позитива». И всё же в настоящее время ни британские, ни американские политологи не склонны преувеличивать «британский негативизм» по отношению к США. И даже, наоборот, отмечается фундаментальный и основополагающий для развития взаимоотношений факт начавшейся с 1980-х годов прошлого века конвергенции моделей капитализма в США и Великобритании, отличающихся гибкими рынками труда и всё меньшим государственным вмешательством в экономику обеих стран. И в той, и в другой стране всё большая часть населения отождествляет себя со средним классом, нежели с работниками наёмного труда [8, p. 41].

Эти и другие серьёзные сдвиги, подкреплённые экономической целесообразностью и неминуемо отражающиеся в сознании, не могут не сказываться и на аналогичном по сути восприятии окружающей действительности. Приведём такой пример из популярного по обе стороны Атлантики исследования, посвящённого англо-американским отношениям. В нём, в частности, подчёркивается: «Типичный день среднего британца обычно начинается с поглощения американской пищи типа корнфлека, произведённого «Нобиско» или «Келлогс», запиваемого чашкой кофе «Максвелл-хаус» или стаканом апельсинового сока, изготовленного во Флориде. Британец скорее всего наденет джинсы американских фирм «Ранглер» либо «Ливайс-Страусс». Да и семейный автомобиль британца обычно американский – «Воксхолл» или «Форд»; и даже в бак он заливает бензин одного из трёх американских гигантов – «Экссо», «Мобайл» или «Тексако» [11, p. 170].

«Эра глобализации», в первую очередь в экономике, накладывает свой отпечаток на сознании британца, ныне считающего себя неотъемлемой частью общего англосаксонского сообщества, где доминируют США. Информированность британцев об американском экономическом проникновении сведена до уровня, когда жители Альбиона воспринимают фирмы США как трансатлантические, а разговоры о «негативном иностранном лоббировании» касаются любых компаний, но только не американских.

* * *

Таким образом, подчёркивая наличие в целом «особых отношений» между Вашингтоном и Лондоном, хотелось бы констатировать следующее. И США, и Великобритания в настоящее время представляют собой две мощные державы, тесно связанные между собой в историческом, культурном и военно-политическом отношении. Несмотря на разный вес в политике, особенно после утратой Британией былого, имперского влияния и соответствующего статуса, нельзя не подчеркнуть тот факт, что Лондон никогда не «терял лицо» и не опускался до уровня «клиента» и тем более «вассала» своего ныне более могущественного союзника. История распорядилась таким образом, что эти два далеко не равноценных, прежде всего по военному потенциалу, англосаксонских государства обречены на беспрецедентно тесное взаимодействие и сотрудничество на международной арене. И это должно восприниматься как непреложный «факт действительности» и учитываться при формировании внешнеполитического курса любым субъектом международных отношений

Список литературы

1. *Иванян Э.А.* Белый дом: президенты и политика. М.: Издательство политической литературы, 1975. 431 с.
2. *Печуров С.Л.* Концепция «англосаксонской исключительности в американской идеологии: истоки и развитие // США ❖ Канада: экономика, политика, культура. 2011. № 1. С. 61–79.
3. *Ball G.* The Past Has Another Pattern. New York: Norton, 1982. 527 p.
4. *Batsford K.* With a Little Help From Dr.Death // The Independent. 18.08.1980.
5. *Brogan Y.* From Tangland // As Others See Us / Ed. by F. Joseph. Rincetone University Press, 1959.
6. *Clark A.* Diaries. London: Phoenix, 1993. 421 p.
7. *Danchev A.* On Specialness // International Affairs. 1996. Vol. 72. No. 4.
8. *Dumbrell J.* A Special Relationships. Anglo-American Relations from the Cold War to Iraq. London, New York: Palgrave Macmillan, 2006. 318 p.
9. The Economist. 18.06.2005.
10. *Galbraith J.K.* A Life in Our Times. Boston: Houghton Muffin, 1981. 576 p.
11. *Grayling C.* and *Langdon C.* Just another Star? Anglo-American Relations since 1945. London: Harper, 1988. 234 p.
12. *Kimball W.* The Special Anglo-American Relationship: A Father, Lager, Underwater Cable // Journal of Transatlantic Studies (Supplement). 2005. 3:1,1.
13. *Kissinger H.A.* The White House Years. Boston: Little, Brown, 1979. 1521 p.
14. *Langford P.* Manners and Character in Anglo-American Perceptions, 1750-1850 // Anglo-American Attitudes / Ed. by Leventhal and Quinault. 2000.
15. *Lawrence D.H.* Studies in Classic American Literature. London: Penguin, 1977.
16. *Macmillan H.* War Diares. New York: St. Martin's Press, 1984. 804 p.
17. *Radice G.* Offshore: Britain and European Idea. London: I.B. Taurus, 1992. 256 p.
18. *Redwood J.* Superpower Struggle: Mighty America, Faltering Europe, Rising Asia. Basingstoke: Palgrave, 2006. 208 p.
19. *Reynolds D.* The Special Relationship: Rethinking Anglo-American Relations // International Affairs. 1989. Vol. 65. No. 1.
20. *Sherry N.* The Life of Graham Greene. Vol. 1. London: Penguin, 1990. 816 p.
21. *Shoenbaum D.* Commentary: Special Relationships // Diplomatic History. 1998. 22:2.
22. *Shultz G.P.* Turmoil and Triumph: My Years as Secretary of State. New York: Scribner's Sons, 1993. 1198 p.
23. The Special Relationship. Anglo-American Relations since 1945 / Ed. by R. Louis and H. Bull. Oxford: Clarendon Press. 1986. XIX + 408 p.
24. *Thatcher M.* The Downing Street Years. London: HarperCollins, 2009. 492 p.
25. *Wheen F.* Spun out of Thin Air // The Guardian. 10.04.1996.
26. *Zeldin T.* The Pathology of Anti-Americanism // The Rise and Fall of Anti-Americanism / Ed. by N. Lacorne. 1990. 272 p.